

0р84
П93
А-3692.06

Владимир Пшеничников

Жужжик

Op 84
П 93
Op 84

84(2=44.2)6-4

**Владимир Анатольевич
Пшеничников**

Жужик

Сборник журнальной прозы

а-369206

Издательские решения

По лицензии Ridero

Государственное бюджетное
2016
учреждение культуры

«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

1004

ВСЁ ОТРЕЗАНО

Похоже, настало время определиться со своим прошлым. Ни врачи, ни палачи — никто не грозит мне никаким приговором, но тут ведь главное, как ты сам чувствуешь, а я чувствую — да, пора. И не такие орлы крылышки сложили, не успев сообразить, чем же была их промелькнувшая жизнь, а всё же... нет, не так.

Главное знание заключается в том, что жизнь человеческая до безобразия коротка. Да. Но и живи ты хоть сотню лет, а на исполнение замысла о тебе даётся всего-то двадцать один год, если не меньше. Для наглядности нарисуй недлинную временную ось и попробуй расставить на ней точки своих явных провалов и успехов. Небогато, не так ли, даже если первым выдающимся событием пометить самостоятельную езду на двухколёсном велосипеде типа «школьник».

Сам бы я при таком подходе начал вспоминать с той весны, когда дед умер, а в небе взошла красивейшая за всё столетие комета Bennett с двумя хвостами. Она появлялась под утро на северо-востоке, над увалом, называемым Горой, и первую неделю после похорон я, кажется, вообще не спал ночами. В потёмках уходил на Гору с самодельным угломером и лопатой, разворачивал там свою сургучно-верёвочную лабораторию и до появления кометы слушал ночь. И земля, и космос в эти часы были открытыми и близкими мне, а люди спали и казались детьми. Когда длина хвоста Bennett достигла десяти градусов, и восходить она стала пораньше,

я позвал на зады отца. Выводил его с отвёрнутым на глаза околышем треуха, поставил перед плетнём и сказал: теперь посмотри на Гору.

Каталожное имя и всю её историю я узнаю осенью, а тогда мы проговорили целый час не только о звёздах. Смеялись, и наши петухи пели часы показушно старательно и стройно. Оказалось, домашние заметили мои ночные вылазки сразу, как стали исчезать пирожки с листа, укрываемые бабушкой на ночь рушником, но увязали всё с девчатами, и матери уже точно было известно, к кому я бегаю — младшая Потаповых стала здороваться с нею, не поднимая глаз. «Так, Вадька, восьмой заканчивай без троек, среднюю школу — на отлично, и будешь учиться в Москве, в главном университете», — сказал тогда отец.

После майских я соберусь показать Bennett той же Потаповой, но хвост кометы уже вытянется в ниточку, и вряд ли она его действительно разглядела, пискнув «ой, какая красивая» — вы, девчата, и не такое имитируете. О том, как умирал дед, напишу через десять лет, и рассказ станут изучать в школах да и сейчас ещё проходят.

Так что на одномерной оси моя весна шестьдесят девятого никак не помещается — ни провалов, ни успехов, разве что восьмилетка потом будет закончена, действительно, без троек. Другое дело — семидесятые. Первые публикации в физико-математических и литературных журналах, какая-никакая карьера, первая женитьба по залёту, первые сыновья, первый блуд. Тут, правда, не совсем понятно, каким цветом что метить, но цепочка выстраивается убористая. В восьмидесятых — книжки в столичных издательствах, последние шишки от партийной дубины, депутатство в областном и районном советах, ещё сыновья и первые смерти по моей неподсудной вине. В девяностых — дела общественные, два года тюрьмы, из которых отдельно можно пометить арест и первый этап с вологодским конвоем, как предельное унижение, а под самый конец десятилетия —

рождение первой внучки.

В тюрьме я впервые и попытался осмыслить свои сорок прожитых лет. Изготовил кубики из клёклого хлеба, высушил снизку на регистре и, перебирая самодельные чётки, понял, что осмысленность всей жизни действительно определяют жизненные пики, но одной временной осью тут не обойтись. Жизнь человека превосходит себя не в длину — даже в смысле воспроизводства, — а в высоту, реализуя ценности, или в ширину, воздействуя на общество. Так появилась работающая система координат, где вертикальная ось восходит от отчаянья к осуществлению смысла, одна горизонтальная протянута от неудачи к успеху, а другая — от толпы к сообществу. Только в такой системе можно обнаружить отчаянье несмотря на успех, и понять осмысленность существования даже и в неволе. Как говорил Диоген, если в жизни нет удовольствия, то должен быть хоть какой-нибудь смысл.

В нулевые мою жизненную кривую вновь исказят — хорошо, украсят — соизмеримые пики реализованных смыслов. Шестидесятый победный май я самым чудесным образом, как победитель, встречу в Москве и университет, и верных старых друзей повидаяю, и новыми публикациями отмечусь, потом восстановлю порушенную тюрьмой карьеру, а вот с семьёй этого не получится.

В самом начале нулевых я привёз на родину свою вторую, юную жену. В застолий рассказывал, как ловко удалось нам получить полуторку в общежитии и уже перестроить её под себя, из чего и какие складываются у нас доходы, но отец, вроде бы любивший такого рода подробности, реагировал вяло, почёсывал левый глаз и вдруг сказал: «Всю твою жизнь, Вадька, искалечили бабы». «Ну, а жида и американцы угондошили нашу с тобой страну», — нашёлся я. «А что, не так, что ли?» — закончил батя риторическим вопросом и ушёл спать. Мы с ним досиживали вечер в гараже

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66